

УДК 94(497.2):930.85

DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574

EDN EDNAND

Оригинальное исследование

«Русские дни» в Болгарии и открытие памятника Царю-освободителю в Софии

Гусев Н.С.

Институт славяноведения РАН,
Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
E-mail: gusevns@inslav.ru

Аннотация. Исследование посвящено открытию памятника царю-освободителю Александру II в Софии в 1907 г. как важному событию в истории российско-болгарских отношений начала XX в. На основе дипломатической переписки, документов военного ведомства и периодической печати реконструируются подготовка и ход торжеств, анализируются их политические цели и восприятие современниками. Показано, что церемонии являлись не только актом сохранения исторической памяти об Освободительной войне 1877–1878 гг., но и инструментом внешнеполитической и внутривластной стратегии болгарского руководства, а также средством укрепления российского влияния на Балканах. Сделан вывод о двойственной природе юбилейных торжеств, сочетавших искреннюю общественную благодарность России с прагматическим использованием мемориальной политики в интересах обеих сторон.

Ключевые слова: памятник Александру II, Болгария, российско-болгарские отношения, историческая память, политика памяти, Русско-турецкая война 1877–1878 гг., князь Фердинанд I, дипломатия, символическая политика, Балканы

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гусев Н.С. 2026. «Русские дни» в Болгарии и открытие памятника Царю-освободителю в Софии. *Via in tempore. История. Политология*, 53(3): 565–574. DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574. EDN: EDNAND

The "Russian Days" in Bulgaria and the Unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia

Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
32A Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia
E-mail: gusevns@inslav.ru

Abstract. The article examines the unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia in 1907 as a landmark event in Russian–Bulgarian relations in the early twentieth century. Based on previously unpublished archival documents, diplomatic correspondence, military records, and contemporary newspapers, it reconstructs the preparation, programme, and political context of the celebrations. Particular attention is paid to the interaction between official commemorative practices and popular expressions of gratitude toward Russia, as well as to the Bulgarian government's domestic and international objectives. The article argues that the ceremonies went beyond commemorating the Russo-Turkish War of 1877–1878 and became an instrument of symbolic diplomacy and historical memory, intended to reinforce bilateral relations and strengthen Russia's political influence in the Balkans. The findings reveal the dual character of the celebrations, combining genuine public sentiment with the strategic use of commemorative politics by both states.

Keywords: Monument to Alexander II, Bulgaria, Russian-Bulgarian relations, historical memory, memory politics, Russo-Turkish War of 1877–1878, Prince Ferdinand I, diplomacy, symbolic politics, Balkans

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gusev N.S. 2026. The "Russian Days" in Bulgaria and the Unveiling of the Monument to Tsar Liberator Alexander II in Sofia. *Via in tempore. History and political science*, 53(3): 565–574 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2026-53-3-565-574. EDN: EDNAND

Введение

Уже более ста лет одним из символов болгарской столицы остается памятник царю-освободителю Александру II, возвышающийся в центре города, неподалеку от университета, напротив здания парламента. Инициатором его создания стал участник национально-освободительной борьбы С. Заимов, возглавивший созданный в 1899 г. Комитет «Царь-Освободитель Александр II». В условиях стремления Софии заручиться поддержкой России комитет собрал значительные пожертвования; в 1901 г., в 25-ю годовщину Апрельского восстания, положившего начало освобождению Болгарии, заложили первый камень монумента. Он был готов к осени 1904 г., однако его торжественное открытие отложили из-за русско-японской войны, а затем – из-за охватившей Россию революции. Оставшееся время и средства комитет направил на обустройство мемориалов в Плевне и ее окрестностях [Георгиева, 2021, с. 283–285, 295].

К 1907 г. положение в России относительно стабилизировалось, и одновременно приближался юбилей начала русско-турецкой войны. Однако завершить все приготовления непосредственно к этой дате не успевали, и лишь 22 марта появилась информация о том, что открытие памятника назначено на 30 августа²⁸. 8 июня болгарский министр иностранных дел С. Паприков официально сообщил своему российскому коллеге А.П. Извольскому о желании болгарского князя реализовать данное при посещении Петербурга в 1902 г. обещание и пригласить великого князя Владимира Александровича на церемонию. 28 июня последовало императорское согласие на участие великого князя в торжествах²⁹.

В июле и августе 1907 г. шло формирование программы мероприятий. Фердинанд I в беседе с российским дипломатическим агентом Д.К. Сементовским-Курило сообщил, что в соответствии с желанием Владимира Александровича не намерен обременять его «излишними церемониями». Потому он считал необходимым определить точно лишь программу мероприятий в Софии, оставив остальные детали решать на месте³⁰. 20 августа программа была получена, и в ней действительно было детализировано пребывание лишь до отъезда из Софии в Плевну 1 или 2 сентября с последующим посещением полей сражений³¹.

Параллельно военное министерство подготовило список высших офицеров, нуждавшихся в выездных документах, однако МИД исключил из него генералов С.Ф. Добротина, В.Ф. Бауфала и А.П. Струкова³². Тем не менее уже 18 августа все трое были включены в утвержденный императором список командированных генералов и впоследствии участвовали в торжествах. Всего планировалось направить 21 офицера и 21 нижнего чина³³, представлявших 34 воинские части, участвовавшие в русско-турецкой войне³⁴. 21 августа болгары через Извольского пригласили Н.П. Игнатьева и А.Н. Куропаткина³⁵. Но ни тот, ни другой по каким-то причинам в Болгарию не поехал.

Мероприятие вписывалось в ряд прикладных процессов. В Болгарии надеялись продемонстрировать России и миру успехи, достигнутые на ниве модернизации и развития государственности. Как писала газета правящей партии «Нов век», доказать своим развитием, что заслуживала тех жертв и милосердия, которые проявил русский народ. [«При общо...»,

²⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 45.

²⁹ Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 7–11.

³⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 97 об.

³¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 652. Оп. 1. Д. 314. Л. 1–2.

³² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 43–43 об.

³³ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 192. Л. 3–3 об.

³⁴ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 191. Л. 2–4.

³⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 71.

1907]. В то же время формально страна оставалась вассалом Османской империи, и многие ждали, что при праздновании юбилея правления Фердинанда I в начале августа 1907 г. будет объявлено о суверенном статусе страны. Представители великих держав в Софии заранее заявили о недопустимости этого шага [Дяконова, 1999, с. 47–49], но, видимо, решающую роль сыграло отрицательное мнение австро-венгерского императора Франца Иосифа [Goosch et al., 1928, p. 356]. Возможно, Фердинанд рассчитывал провозгласить независимость без признания великих держав, рассчитывая, что участие России в открытии памятника Александру II фактически легитимирует новый статус Болгарии. Однако доказательств этой версии пока нет.

К 1907 г. Россия вновь активизировала балканскую политику на фоне усиления русско-австрийского соперничества. Незадолго до софийских торжеств русско-английский протокол завершил формирование двух европейских блоков. В Петербурге Фердинанду не доверяли, подозревая его в проавстрийских симпатиях, поэтому торжества должны были продемонстрировать лояльность Софии России.

Известную двусмысленность предстоящим торжествам придавал и внутривнутриполитический контекст. В тот момент у власти находилась Народно-либеральная партия (НЛП), также именуемая по фамилии своего основателя стамболовской. Традиционно считавшаяся русофобской, она неоднозначно воспринималась как организатор торжеств, посвященных благодарности России. Фердинанд даже пытался убедить лидеров оппозиции воздержаться от сведения политических счетов, однако те и сами решили не омрачать праздника³⁶. Стамболовисты в стремлении угодить монарху должны были учитывать и следующий фактор. Несмотря на блеск празднования упомянутого юбилея правления Фердинанда, торжеству, как выразился российский дипломатический агент³⁷ Д.К. Сементовский-Курило, не дали «внушительной картины выражения народных восторгов». Поэтому для НЛП было важно провести предстоящее празднество так, чтобы проявления народной симпатии к России не выглядели более впечатляющими, чем выражение лояльности князю³⁸.

В связи с этим в тайне держались сведения о визите российской делегации, скрывалась программа торжеств. Формально мотивировалось такое решение соображениями безопасности и желанием Владимира Александровича избежать лишних торжеств³⁹. Российский военный агент М.Н. Леонтьев отмечал, что во время пребывания русских гостей в Болгарии власти стремились не допускать к ним широкие народные массы, хотя от имени народа произносились восторженные речи. По его мнению, стамболовисты тем самым укрепляли собственную власть, выступая от имени всех болгар, и, одновременно учитывая изменение политической конъюнктуры, стремились избавиться от репутации русофобов. Лидер партии Н. Геннадиев настолько усердно произносил благодарственные речи, что мог производить впечатление убежденного сторонника России⁴⁰. Отразились названные факторы и на тоне стамболовской партийной печати, где подчеркивалось, что торжества – самый подходящий случай выразить любовь и благодарность болгар к России, их надежды на помощь в реализации национальных воцелелений [«Надеждите...», 1907]. В итоге внешнее благолепие имело и оборотную сторону, хотя она была заметна далеко не всем.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются общественно-политические и мемориальные практики, связанные с подготовкой и проведением в Софии в 1907 г. торжеств по случаю

³⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 189 об. – 190. Но в печати полемика все же была довольно острой [«Във всичко...», 1907].

³⁷ Поскольку Болгария не являлась суверенным государством, то иностранный представитель имел статус дипломатического агента. В целях удобства чтения в статье этот ранг используется наряду с рангом посланника.

³⁸ Примечательно, что в «Речи» вышла статья, аналогичная по смыслу и близкая к тексту донесения российского дипломата, что может говорить в пользу связи издания с МИД [Болгарские торжества, 1907].

³⁹ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 191–192 об.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 51–51 об., 54.

открытия памятника Царю-освободителю Александру II, а также их место в российско-болгарских отношениях начала XX в. В основе работы – принципы историзма и конкретно-исторического анализа, историко-генетический, сравнительный и источниковедческий методы. Источниковую базу составили материалы из российских архивов (ГА РФ, АВПРИ, РГВИА, РГИА), российской и болгарской периодической печати. Сопоставление различных источников позволило продемонстрировать различия между официальными оценками, секретными донесениями российских представителей, публикациями в прессе. Все это позволило реализовать цель исследования – рассмотреть торжества не только как церемонию, но и как проявление символической политики, в которой историческая память использовалась для решения внешнеполитических и внутриполитических задач.

Результаты и их обсуждение

23 августа ⁴¹ Великий князь с женой и сыном Андреем отправился в Болгарию по железной дороге через Румынию ⁴², тогда как остальные участники поездки следовали на пароходе «Эриклик» и судах сопровождения из Одессы до Варны ⁴³. Для обхода карантинных ограничений, введенных в связи с холерой, болгарская сторона заранее направила доктора Чавова ⁴⁴.

В румынском Оршове Владимир Александрович пересел на пароход и по Дунаю проследовал до Сомовита, где его встретил князь Фердинанд со свитой, а также российские дипломатический и военный агенты. Оттуда они специальным поездом направились в Софию. После торжественной встречи на вокзале августейшие гости проследовали во дворец. Военная часть делегации из-за бури на Черном море прибыла из Варны экстренным поездом лишь утром 29 августа. Днем состоялась аудиенция у болгарского князя, а вечером – торжественный обед ⁴⁵. По сообщениям корреспондентов, весь город ждал торжество: «Настроение восторженное, все злобы дня забыты, и только одна мысль, одно чувство охватило всех болгар, которые славят и величают Россию» [Телеграммы, 1907а].

30 августа состоялось открытие памятника. Вход в здание Народного собрания, лицом к которому обращена статуя, был оформлен как ложа для монарших особ, полукругом у монумента разместили трибуны, а вдоль бульвара Царя-Освободителя, от дворца до Орлова моста, выстроились войска. Однако, как заметил один из журналистов, «народ был отделен от торжества линей войск и кулаками полиции, уставшими в этот день от работы» [Гиляровский, 1907с]. Потому глазееущая публика заполнила близлежащие улицы, расположилась на крышах домов и на лесах строящегося храма св. Александра Невского. По прибытии Фердинанда с Владимиром Александровичем был отслужен молебен, после которого болгарский князь произнес речь ⁴⁶ с искренностью, «столь редкою в его устах», как выразился военный агент ⁴⁷. Фердинанд подчеркнул альтруистичность подвига русского народа и благодарность народа болгарского, завершив выступление патетическим пожеланием: «Пусть памятник этот пребудет на веки, напоминая грядущим поколениям о великом подвиге Царя-Освободителя» ⁴⁸.

С этими словами пало полотно и монумент предстал перед публикой. Владимир Александрович произнес ответную речь, последовало возложение венков, после чего

⁴¹ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 379. Л. 4.

⁴² Румынский монарх приглашал его погостить, но еще в июне выяснилось, что в это время Карл I будет находиться в Швейцарии и Германии (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 4, 11).

⁴³ ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 192. Л. 4.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 70.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 150 об. – 153 об. Видимо, на нем случился инцидент, позднее описанный Андреем Владимировичем. Тот нарушил запрет князя Фердинанда без сопровождения болгарских офицеров выходить из дворца, и болгарский правитель долго жаловался на его непослушание матери великого князя. Тот в отместку надел на торжественный обед турецкий орден и заявил, что так выражает свое уважение к верховному покровителю Болгарии [Андрей Владимирович, 2016, с. 194–195].

⁴⁶ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 154–155.

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 54.

⁴⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 168.

скульптор А. Цокки показал высоким гостям памятник вблизи. Затем же состоялся парад, который открывали участники болгарского ополчения, несшие легендарное Самарское знамя. После него августейшие гости отбыли во дворец.

Продолжением праздника должна была стать манифестация, организованная софийскими торговцами и ремесленниками. Несмотря на ранее выданное разрешение, власти запретили ее, сославшись на нежелание вел. кн. Владимира Александровича допускать подобные демонстрации. Узнав об этом от организаторов, Сементовский-Курило дал понять болгарскому министру иностранных дел, что высокий гость едва ли одобрит действия, предпринимаемые от его имени. Министр объяснил ситуацию кознями и слухами оппозиции, однако уже на следующий день полиция разрешила манифестацию ⁴⁹.

В итоге грандиозное по численности мероприятие состоялось около пяти вечера. С пением «Боже, Царя храни» манифестанты подошли к зданию княжеского дворца, Владимир Александрович вышел к собравшимся, они целовали ему руки и высказывали наилучшие пожелания ⁵⁰, прозвучали и просьбы помочь с решением македонского вопроса ⁵¹.

После толпа устроила овацию перед зданием Военного собрания, на балкон которого вышли русские генералы, а затем и перед российским дипломатическим агентством. Вечером состоялся обед на 150 персон ⁵². Подводя итоги дня, газета «Новое время», никогда не отличавшаяся любовью к болгарам, констатировала, что торжества и проявления чувств народа свидетельствуют: «Болгария оказалась поистине достойной тех жертв» [Телеграммы, 1907b]. Кадетская «Речь» же назвала произошедшее «последним доказательством полного примирения России с Болгарией, окончательного забвения ею всех прошлых недоразумений» [Болгарские торжества, 1907].

Следующий день болгарский князь с августейшими гостями провели в загородном Вранском дворце, вечером провели смотр Софийского гарнизона, сопровождавшийся фейерверком и торжественным ужином ⁵³. Ветераны болгарского ополчения пригласили оставшихся в Софии генералов на обед, однако из-за ложного сообщения о приеме у военного министра прибыли лишь Н.Г. Столетов и П.Д. Паренсов. Их проезд по городу вызвал стихийную манифестацию. Лидер стамболовистов Н. Генадиев поначалу даже хотел сесть в машину к Столетову, чтобы часть народного воодушевления оказалась обращена к нему, но был вынужден уступить место Паренсову. Обед изобиловал речами и выражением чувств, от радости «кругом все плакали» [Телеграммы, 1907c], и закончился тем, что огромная толпа пустилась в народный танец хоро ⁵⁴. В тот же вечер в обществе «Славянская беседа» состоялся бал в честь Владимира Александровича, избранного его почетным членом ⁵⁵.

1 сентября в Софии состоялась массовая демонстрация в поддержку болгар Македонии, остававшихся под турецкой властью. Однако встретиться с Владимиром Александровичем демонстрантам не удалось, поскольку его экипаж объехал место манифестации ⁵⁶.

Этот день августейшие особы провели в путешествии по окрестностям Софии. Вечером пришло известие о смерти брата князя Фердинанда, вследствие чего российский посланник даже

⁴⁹ Там же. Л. 193–194 об.

⁵⁰ Там же. Л. 156.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 54; Вътрешна хроника, 1907а.

⁵² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 157–157 об. Заранее российский МИД запросил у болгарского правительства текст речей, планируемых к произнесению князем Фердинандом. В предназначенной для торжественного обеда Сементовский-Курило обратил внимание на необходимость исключить из текста упоминание о том, что Россия, расширяясь на юг, «угрожала могуществу Османов» (АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2232. Л. 67; ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 314. Л. 3). Впрочем, итоговый вариант радикально отличался от того, что был прислан 21 августа.

⁵³ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 158–159.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 56.

⁵⁵ Надо отметить, что его в ходе визита приняли также в Славянское благотворительное общество (ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 30) и другие объединения. В том числе в Общество пчеловодов, незадолго до того на съезде принявшее торжественную резолюцию, где русского царя сравнивали с маткой, «около которой группируются пчелы – отдельные славянские народы» (ГАРФ. Ф. 652. Оп. 1. Д. 34. Л. 1).

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 56 об.

хотел отменить торжественный прием в миссии. Однако сам болгарский монарх попросил не омрачать торжеств и придерживаться намеченной программы. В итоге прошел масштабный прием, который Владимир Александрович с семьей покинул только в исходе первого часа ночи.

На следующий день состоялась торжественная закладка посольского храма, в ней приняли участие гости из России, князь Фердинанд с сыновьями, высшие военные и гражданские чины Болгарии, дипломатические представители Румынии, Греции и Сербии⁵⁷. В краеугольный камень поместили фарфоровый сосуд с актом о закладке, экземплярами столичных газет, присутствовавшие опустили в него монеты. Владимир Александрович, его супруга и сын, а также князь Фердинанд заложили мраморные кирпичи со своими вензелями [Хроника, 1907].

Позже Владимир Александрович принял македонскую депутацию, причем, по словам журналистов, услышав о бедственном положении болгар в Македонии, он заплакал [Телеграммы, 1907d]⁵⁸. Вечером вместе с семьей и хозяином торжеств он отправился в Плевну. А уже спустя несколько дней газеты разразились сенсацией – во время софийских торжеств готовилось покушение на великого князя. Как установил В.А. Гиляровский, источником сведений был некий К-в, в котором с легкостью угадывается активный организатор торжеств Г. Капчев. Якобы австрийская подданная В., содержательница кухмистерской, сообщила ему о двух неизвестных, предложивших ей золото за доставку в российское дипломатическое агентство часов-будильника. Полиция задержала госпожу В. и возила ее вместе с участниками торжеств, рассчитывая поймать злоумышленников с поличным. Но они так и не объявились. Журналист счел историю выдумкой или следствием психического расстройства В., не исключив, однако, провокации со стороны болгарской или российской полиции [Гиляровский, 1907b].

Последняя это сочла мистификацией, причем организованной ее же сотрудником в Румынии Г.А. Меласом⁵⁹. По мнению российского посланника, за данной историей стояло правительство, пытавшееся оправдать меры по изоляции высоких гостей от народа⁶⁰. А оппозиционная болгарская газета «Пряпорец» указывала на упомянутого Г. Капчева, который по итогу торжеств не получил орденов и решил таким образом испортить праздник [Вътрешна, 1907b].

В целом же в эти дни в столице царило приподнятое настроение. «Приём, оказываемый русским, отличается необыкновенным радушием; всякого русского приветствуют на улицах с большими симпатиями», – рассказывал Гиляровский [Гиляровский, 1907a]. «Энтузиазм народа не поддается описанию. Везде, во всех общественных местах, кофейнях, ресторанах, всюду слышны звуки русского народного гимна», – вторило ему «Новое время» [Телеграммы, 1907c]. Правый публицист М.О. Меньшиков, сопоставляя энтузиазм при открытии памятника в Софии и равнодушие публики к недавнему освящению Храма Спаса-на-Крови, с горечью вопрошал: «Спрашивается, неужели Александр II не наш был царь, а их, болгарский? Неужели для нас он почти ничего не сделал?» [Меньшиков, 1907].

В Плевне, ставшей одним из символов русско-турецкой войны 1877–1878 гг., гостей ждал не менее восторженный прием, вдобавок здесь не держали население на расстоянии, и тротуары были заполнены публикой⁶¹. Русские гости и князь Фердинанд присутствовали на панихиде в еще не завершеном Мавзолее св. Георгия и посетили его костницу. Ее оформление возмутило М.Н. Леонтьева: кости были уложены в форме креста с черепами сверху, что, по его мнению, было рассчитано скорее на внешний эффект. Он рекомендовал установить хотя бы киот с лампадой⁶². Затем гости осмотрели музей Александра II, Скобелевские редуты и парк с братскими могилами, где планировалось установить памятник

⁵⁷ АВПРИ. Ф. МИД. Канцелярия. 1907 г. Д. 165. Т. I. Л. 106–106 об.

⁵⁸ Вообще стоит отметить, что, судя по корреспонденции «Нового времени», практически все время торжеств в Софии непрерывно всеми и по каждому поводу лились слезы.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 237. Особый отдел. 1907. Д. 495. Л. 39. При этом еще в Румынии он пытался выдать банки с ваксой за бомбы, подготовленные якобы местными агентами Дашнакцутюн (Там же. Л. 40).

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 194 об.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 75.

⁶² Там же. Л. 73 об.

Скобелеву⁶³. Экскурсию, сопровождавшуюся рассказом о событиях войны, проводил командующий военным округом, в будущем прославленный болгарский и русский генерал Р. Димитриев⁶⁴. После все участники торжеств на двух поездах проследовали в селение Пордим, тогда как августейшие особы остались на завтрак в своем поезде.

Здесь Фердинанд сделал неожиданный жест: после завтрака он провозгласил Владимира Александровича шефом 17-го Доростольского пехотного полка, Андрея Владимировича зачислил в его списки, а Марию Павловну назначил шефом 3-го конного полка. Решение, вопреки протоколу, не было согласовано заранее, и российские представители узнали о нем лишь в Пордима⁶⁵. На их возражения болгарский министр иностранных дел ответил, что назначение якобы стало спонтанной реакцией на похвалы великого князя плевненскому гарнизону. Однако Леонтьев в донесении выразил свои сомнения в этом⁶⁶. В Пордима участники торжеств посетили дома-музеи, связанные с пребыванием Александра II и румынского короля Карла во время осады Плевны. Затем августейшие гости отправились в Тырново, а остальные продолжили маршрут, чтобы на следующий день соединиться в Горни-Студене. Они осмотрели места, связанные с Александром II, посетили в Беле дом, где жил будущий император Александр III, и прибыли в Абланово, где во время войны квартировал Владимир Александрович. Здесь Фердинанд лично наградил его орденом «За храбрость», отметив, что эта награда по праву должна была принадлежать великому князю еще 30 лет назад⁶⁷.

Однако все эти спонтанные жесты в сочетании с дурным качеством проселочных дорог вынудили организаторов внести коррективы в первоначальные планы, отменить торжественное открытие памятника С.М. Романовскому, герцогу Лейхтенбергскому, в с. Йован-Чифтлик и отправиться сразу в Варну⁶⁸. Утром 5 сентября состоялись проводы военной депутации, в которых участвовал и князь Фердинанд. Однако публику на них не допустили, даже местных школьников оставили за оградой в нескольких сотнях шагов. Оправданием этих мер болгарские власти назвали слухи о планах русских революционеров устроить теракт. В итоге прощание прошло казенно, военные отправились на корабле в Одессу, а великокняжеская семья – в летнюю резиденцию болгарского монарха в Эвксинограде⁶⁹.

На следующий день великий князь Андрей Владимирович отправился на открытие памятника герцогу Лейхтенбергскому. Скромный монумент был построен по инициативе и на средства сотрудника русской миссии Н.Н. Дьяченко, освящение состоялось 7 сентября. В нем приняли участие весь состав российской миссии, генерал-майор императорской свиты А.А. Мосолов, болгарский премьер и часть членов кабинета, генерал Р. Димитриев⁷⁰. После Андрей Владимирович отправился в Софию и Восточным экспрессом отбыл в Вену. Провожали его сыновья князя Фердинанда и многочисленная толпа, на этот раз не ограниченная полицией. Как отметил военный агент, «чувствовалось, что в сердцах простых болгар любовь и признательность по адресу России и русских не угасли и не скоро еще угаснут»⁷¹.

Владимир Александрович с супругой и частью свиты в это время оставался в княжеской резиденции. Спустя несколько лет в болгарской прессе появилась фальшивая военная конвенция, якобы заключенная тогда в Эвксинограде Владимиром Александровичем и князем Фердинандом. По ней Болгария передавала России контроль над внешней политикой, отказывалась от национальных идеалов и соглашалась на оккупацию портов. Ее форма и содержание дают сомневаться в ее подложности, но текст до сих пор используется записными

⁶³ Там же. Л. 74. Это тоже возмутило М.Н. Леонтьева, сообщившего устроителям, что над могилами должны стоять крест.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 171–174.

⁶⁵ Там же. Л. 174–175.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 75 об. – 76.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 176 об. – 177.

⁶⁸ Там же. Л. 178–179.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 77 об. – 78.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 179–181.

⁷¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 79 об.

русофобами [Славейков, 2023; Още една...]. Справедливости ради отметим, что между странами уже существовала тайная военная конвенция, а вскоре начались переговоры о новой, впрочем, не увенчавшиеся успехом [Стателова, 1973].

В действительности гости проводили время в семейной обстановке: ежедневно совершали с князем Фердинандом прогулки на автомобилях и яхте. Перед отъездом они посетили памятник на месте гибели герцога Лейхтенбергского, а затем отправились в Руцук, где состоялись торжественные проводы. В город прибыли все министры с семьями, весь состав российского дипломатического агентства, ветераны-ополченцы и т. д. Под крики и овации толпы, исполнение «Боже, Царя храни» великокняжеская семья на пароходе «Крум» отбыла по Дунаю в сторону Журжево⁷², и 17 сентября вернулась в Петербург⁷³.

Заключение

В целом задуманное было реализовано. Развитие страны отметили и гости, и пресса. «Речь» считала, что «Болгария во многих отношениях догнала, а в некоторых даже перегнала иных из своих соседей и соперников на Балканском полуострове» [Болгария теперь..., 1907], а «Новое время» отмечало радость российских генералов от того, что они теперь приезжали «в землю свободы, с быстрым успехом культурного и материального богатства» [Русско-болгарские..., 1907]. По словам Сементовского-Курило, признание успехов даже подтолкнуло некоторые органы печати к мысли о возможности самостоятельно реализовать национальный идеал – присоединить Македонию⁷⁴.

В то же время официальность мероприятий оставила свой осадок. Недаром уже через полгода российский дипломатический представитель в рассказе о торжествах по случаю 30-летия освобождения страны укажет: «Здесь открыто говорилось, что “в августе 1907 года праздновали князь и его министры, теперь же сам народ справляет свое освобождение Россией”»⁷⁵. В донесении военный агент отмечал, что размах и накал торжеств мог быть сильнее, если бы у власти находились более расположенные к России люди⁷⁶. Впрочем, указывал он, роль событий и так велика для русско-болгарских отношений, и «в нити этих отношений завязался новый узелок»⁷⁷. Российский дипломатический представитель более воодушевленно оценивал результаты «русских дней», как он их характеризовал. По его мнению, они стали доказательством силы культа Александра II в Болгарии, который «составляет ту живую связь между освободителями и освобожденными, которую, как доказал исторический опыт, не могли разрушить ни козни врагов, ни заблуждения болгарских правителей, ни своекорыстные расчеты политических деятелей»⁷⁸. Сементовский-Курило при этом считал необходимым не только сохранение этих чувств в Болгарии, но и их развитие, для чего предложил целую программу действий, должных на основе общей исторической памяти более прочно связать Россию и Болгарию⁷⁹.

Однако реальность оказалась менее радужной. Реализовать программу Сементовского-Курило не получится, через год Болгария провозгласит независимость, синхронизировавшись с объявлением Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины. Это будет расценено в России как предательство, но и это будет прощено Болгарии. При этом примечательно, что

⁷² АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 182–184.

⁷³ РГИА. Ф. 528. Оп. 1. Д. 379. Л. 4. Всего поездка великокняжеской семьи обошлась бюджету в 34 083 рубля, из них более 7,5 тыс. рублей были потрачены на чаевые (Там же. Л. 15, 19).

⁷⁴ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 196–196 об.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 2233. Л. 23 об.

⁷⁶ Примечательно, что председатель комитета «Царь-Освободитель» С. Заимов под обещания правительства все возместить лично брал в долг на строительство мемориалов. Однако стамболовисты затягивали реализацию обещаний, и кредиторы обратились в суд, требуя взыскать средства с С. Заимова (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 90, 93 об.).

⁷⁷ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 762. Л. 80 об.

⁷⁸ АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1334. Т. II. Л. 197.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 496. Л. 1–14 об.

свою роль в этом сыграет смерть великого князя Владимира Александровича и приезд Фердинанда I на прощание с ним в Петербург [Гусев, 2026, с. 39–44]. София будет оставаться на орбите российской внешней политики до лета 1913 г., пока не разразится Вторая балканская война. А еще через два года Россия и Болгария станут противниками в Первой мировой войне. Но памятник Царю-Освободителю остался на своем месте и продолжает стоять, несмотря на все зигзаги, которые претерпели русско-болгарские отношения за последние 120 лет.

Список источников

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. МИД. Канцелярия. 1907 г. Д. 165. Т. I. АВПРИ. Ф. Политархив. Дд. 1334, 2232, 2233.
АВПРИ. Ф. Секретный архив министра. Д. 496.
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 237. Особый отдел. 1907. Д. 495.
ГАРФ. Ф. 652. Владимир Александрович, великий князь. Оп. 1. Дд. 30, 34, 191, 192, 314.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Главное управление Генерального штаба. Оп. 1. Д. 762.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 528. Контора двора вел. кн. Марии Павловны Министерства императорского двора. Оп. 1. Д. 379.
Андрей Владимирович. 2018. *Дневники, воспоминания, письма Великого князя Андрея Владимировича, 1898–1917*. Сост. В.М. Хрусталева, В.М. Осин. Отв. ред. В.М. Хрусталева. Москва, ПРОЗАиК: 556 с.
Болгария теперь и двадцать лет назад. 1907. *Речь*. 9 сентября.
Болгарские торжества. 1907. *Речь*. 2 сентября.
«Във всичко дертлии и злобни...». 1907. *Нов век*. 3 септември.
Вътрешна хроника. 1907а. *Пряпорец*. 1 септември.
Вътрешна хроника. 1907 б. *Пряпорец*. 6 септември.
Гиляровский В. 1907а. Болгарские торжества. *Голос Москвы*. 30 августа.
Г[иляровский] В. 1907б. О покушении на жизнь великого князя Владимира Александровича. *Голос Москвы*. 12 сентября.
Г[иляровский] В. 1907с. Славянский отдел. София. *Голос Москвы*. 16 сентября.
Меньшиков М. 1907. Две благодарности. *Новое время*. 3 сентября.
Н.Е. 1907. Чествование болгарами памяти Царя-Освободителя. *Русский инвалид*. 13 июля.
«Надеждите, които храниме...». 1907. *Нов век*. 29 август.
«При общо радушие и тържественност...». 1907. *Нов век*. 31 август.
Русско-болгарские торжества. 1907. *Новое время*. 3 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907а. *Новое время*. 30 августа.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907б. *Новое время*. 1 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907с. *Новое время*. 2 сентября.
Телеграммы наших корреспондентов. 1907d. *Новое время*. 3 сентября.
Хроника. 1907. *Нов век*. 3 септември.
Gooch et al. 1928. British Documents on the Origins of the War 1898–1914. Vol. 5: *The Near East. The Macedonian Problem and the Annexation of Bosnia. 1903–1909* / ed. by G. P. Gooch et al. London: His Majesty's Stationery Office, 1928.

Список литературы

- Георгиева Т. 2021. Памятник Александру II в Софии – история создания. В: *Славяне и Россия. Россия: взгляд на Балканы. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения И.С. Достяна*. Отв. ред. С.И. Данченко. Москва, ИСЛ РАН: 283–298.
Гусев Н.С. 2026. Объявление и признание независимости Болгарии в оценках русской периодической печати (1908–1909). *Славяноведение*. 3: 35–50.
Дяконова Е. 1999. Руските планове за независимост на България (1906–1908). *Исторически преглед*. 5–6: 42–56.

- Още една позакъсняла сензация от края на 1909 година. *Сите българи заедно*. URL: https://sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1129:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 [Дата обращения: 09.07.2026].
- Славейков П. 2023. С таен договор с Русия княз Фердинанд предава независимостта ни, преди да я обяви. *Площад Славейков*. 22 септември. URL: <https://www.ploshtadslaveikov.com/s-taen-dogovor-s-rusiya-knyaz-ferdinand-predava-nezavisimostta-ni-predi-da-ya-obyavi/> [Дата обращения: 09.07.2026].
- Стателова Ел. 1973. Руско-български политически отношения 1908–1912. *Исторически преглед*. 2: 3–17.

References

- Georgieva T. 2021. Pamyatnik Aleksandru II v Sofii – istoriya sozdaniya [The Monument to Alexander II in Sofia: The History of Its Creation]. In: *Slavyane i Rossiya. Rossiya: vzglyad na Balkany. XVIII–XXI vv. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Dostyan*. Otv. red. S.I. Danchenko. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN: 283–298.
- Gusev N.S. 2026. Ob"yavlenie i priznanie nezavisimosti Bolgarii v otsenkakh russkoy periodicheskoy pechati (1908–1909) [Declaration of Bulgaria's Independence and Its Recognition in the Assessments of the Russian Periodical Press (1908–1909)]. *Slavyanovedenie*. 3: 35–50.
- Dyakonova E. 1999. Ruskite planove za nezavisimost na Balgariya (1906–1908) [Russian Plans for the Independence of Bulgaria (1906–1908)]. *Istoricheski pregle*. 5–6: 42–56.
- Oshte edna pozakasnyala senzatsiya ot kraia na 1909 godina [Another Belated Sensation from the End of 1909]. *Site balgari zaedno*. Available at: https://sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1129:im&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (accessed: 09.07.2026).
- Slaveykov P. 2023. S taen dogovor s Rusiya knyaz Ferdinand predava nezavisimostta ni, predi da ya obyavi [By a Secret Treaty with Russia, Prince Ferdinand Surrendered Bulgaria's Independence Before Proclaiming It]. *Ploshtad Slaveykov*. 22 September. Available at: <https://www.ploshtadslaveikov.com/s-taen-dogovor-s-rusiya-knyaz-ferdinand-predava-nezavisimostta-ni-predi-da-ya-obyavi/> (accessed: 09.07.2026).
- Statelova E. 1973. Rusko-balgarski politicheski otnosheniya 1908–1912 [Russian-Bulgarian Political Relations, 1908–1912]. *Istoricheski pregle*. 2: 3–17.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.07.2026

Received 11.07.2026

Поступила после рецензирования 08.08.2026

Revised 08.08.2026

Принята к публикации 10.08.2026

Accepted 10.08.2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гусев Никита Сергеевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт славяноведения РАН, г. Москва, Россия

Nikita S. Gusev, Candidate of Sciences in History, Academic Secretary, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

 [ORCID: 0000-0002-9573-7018](https://orcid.org/0000-0002-9573-7018)